

НОВЫЙ ГРАД

под редакцией

И. Бунакова, Ф. Степуна и Г. Федотова

4

ПАРИЖ

1932

С о д е р ж а н и е :

Выстрѣл Горгулова	3
<i>Г. Федотов.</i> В плѣну стихіи	8
<i>С. Гессен.</i> Современный кризис и перерожденіе капитализма	21
<i>И. Лаговскій.</i> Бог и соціальная правда в СССР	40
<i>И. Херасков.</i> Царство труда	55
<i>Ф. Степуи.</i> Еще о челоѣкѣ Новаго Града	63

И д е и ж и з н ь

<i>Мон. Марія (Скобцова).</i> Соціальный вопрос и соціальная реальность	73
<i>Гером. Лев Жилле.</i> Религія и соціальный вопрос в современной Франціи	77
<i>П. Бицилли.</i> К вопросу о природѣ русской государственности в дореволюціонный період	84
<i>С. Штейн.</i> Размышленія о Россіи и революціи	87

К н и г и

<i>П. Бицилли.</i> B. de Jouvenel. Vers les Etats-Unis d'Europe.	
<i>С. Жаба.</i> G. Valois. Un nouvel âge de l'humanité. G. Valois. L'Economique. <i>Б. Ижболдин.</i> C. Engel-Reimers. Der Idealismus in der Wirtschaftswissenschaft	92

Выстрѣл Горгулова

В тѣ минуты, когда пишутся эти строки, Горгулов еще ожидает суда и приговора. Приговор этот вряд ли вызывает сомнѣнія. Горгулов искупит смертью свое бессмысленное преступленіе — против ни в чем неповиннаго старика и его близких, против Франціи, против нас и Россіи. Рука не поднимается, чтобы бросить лишній камень в человѣка, всѣми заклеяменнаго, всѣми брошеннаго, над которым уже повис нож гильотины. Да простит ему Бог его тяжкій грѣх и разбудит дремлющую совѣсть в его темной и мрачной душѣ.

Но нам, которым предстоит жить, надо взглянуть в свою собственную совѣсть и сдѣлать свои выводы из преступленія Горгулова. Теперь мы можем сдѣлать их свободно. Никто не собирается нам мстить за убійцу. Франція оказалась великодушнѣе, чѣм ожидали даже искренніе ея друзья. Тѣм болѣе на нас ложится долг произнести свой внутренній суд — не над Горгуловым — но над собой, над горгуловщиной в себѣ.

Слишком легко и поспѣшно эмиграція отбросила от себя Горгулова. В этой поспѣшности было не одно справедливое негодованіе и отталкиваніе от преступленія. Здѣсь был и страх, была настоящая паника перед малѣйшей тѣнью ответственности. Сразу же была создана и с необычайной рѣшительностью пущена в оборот версія о большевизмѣ Горгулова. Ответственные публицисты и политики, претендующіе на моральное водительство, утверждали, что в коммунизмѣ Горгулова не может быть сомнѣнія. Множество «свидѣтелей» и даже «очевидцев» пытались доказать то, во что так страстно хотѣлось вѣрить. Слѣдствіе не подтвердило этих предположеній. От этой версіи не осталось ничего, кромѣ мучительнаго стыда за ту легкость обращенія с истиной, за ту моральную безответственность, которая вскрылась в нашей средѣ, создав настоящій патологическій фон для этого маниакальнаго преступленія.

Казалось бы, достаточно нѣскольких совершенно простых соображеній, чтобы отбросить коммунистическую версію. Мы, конечно, знаем, что большевики способны на все (соброр в Со-фіи, Кутепов и т. д.). Но здѣсь само преступленіе слишком бессмысленно, а риск слишком велик. Никакой другой политической цѣли для убійства безвластнаго президента республики нельзя было и придумать, кромѣ одной — «скомпрометировать эмиграцію». Риск огромен: слѣдствіе могло найти нить, которая привела бы к истинным виновникам преступления. Изгнаніе из Франціи, разрыв торговых сношеній с ней, сильный удар по европейским связям вообще, которыя в годы пятилѣтки для Сталина приобрѣли жизненное значеніе. И против всего этого на другой чашкѣ вѣсов: опороченіе эмиграціи, сейчас мало активной, в Европѣ не вліятельной, политически для большевиков не страшной. Какое чудовищное неравенство баланса! Какая дьявольски рискованная игра!

Но примем ее. Пусть большевики безумцы. Однако они должны быть круглыми дураками, чтобы послать на убійство Горгулова, во-первых, маніака, а, во-вторых, человѣка, не связаннаго ни с одной эмигрантской партіей. Так провокація не дѣлается. Провокатор должен выйти из нѣдр враждебной, активной группы, а у Горгулова не нашлось никаких, хотя бы самых тонких ниточек, ведущих к нашим политическим группировкам.

И послѣднее. Горгулов шел на вѣрную смерть. Самая обстановка его преступления глубоко отлична от остальных большевистских злодѣяній, гдѣ виновники чаще всего оставались ненайденными. Чтобы итти на смерть, надо быть человѣком идеи. Горгулов мог быть убѣжденным коммунистом, но не наемным убійцей. Но тогда, как же Горгулов, писатель, поэт, публицист, ни разу не проговорился, не был сбит с толку, не вышел из своего, «горгуловскаго» идейнаго круга? Как ни безумна идея Горгулова, он умирает за свою идею, не может умереть за чужую.

Всегда, во всяком преступленіи остается, конечно, нѣкоторая возможность соучастія посторонних сил. Большевики могли использовать маніака, облегчить его преступленіе. Но и в

этом случаѣ остается сам Горгулов с темным комплексом своих идей, который, при всем безуміи, имѣет объективное значеніе.

В безуміи нерѣдко с особой силой высвобождаются идеи, живущія под порогом здраваго сознанія. Горгулов признан вмѣняемым. Он не сумасшедшій, а маніак, человек навязчивой идеи. Такими были анархисты прошлаго вѣка, полубезумные убійцы президента Карно, императрицы Елизаветы. Было бы недопустимо возлагать личную отвѣтственность за их преступленія на Бакунина или Крапоткина. Но в них вскрылся провал идеи, ея основная порочность, по крайней мѣрѣ опасность болѣзненных уклонов внутри идейнаго круга. Так изуверство религиозных сект не опорачивает религіи, но оно указывает на опасную зону религиозной психологіи, напоминает о бдительности, о трезвости, об очищеніи мистических страстей.

Каков же этот горгуловскій идейный комплекс, который имѣет значеніе и для нас? В его косноязычій явно слышатся два основных звука: антибольшевистскій активизм и антиевропейскій націонализм. Оголенные, освобожденные от всякой политической оглядки и от контроля разсудка, они вооружили руку убійцы. Сами по себѣ, и активизм, и націонализм русской эмиграціи достойны уваженія. Но в безсиліи неудач, в горечи поражений, они принимают нерѣдко патологическія формы.

Активизм. Как клятва борьбы с красным деспотизмом, как стойкость, непримиримость — можно ли отрицать его? Но для людей политически незрѣлых или ребячливых, для тѣх, кто прошел только одну школу — гражданской войны — борьба отождествляется с убійством. Активизм становится псевдонимом терроризма. Только в убійствѣ, в пролитіи крови врага находит себѣ удовлетвореніе военный инстинкт борьбы. Нужно убивать большевиков. Каких? гдѣ? как? Для многих это уже не важно. Вожди непріятели недоступны, то-есть трудно доступны. Револьвер поднимается на тѣх, кто ближе, кто рядом — по линіи наименьшаго сопротивленія. Жертвами падают не руководители ГПУ, а Набоков (!), Воровскій, Войков. Набоков — вмѣсто Милюкова, Милюков вмѣсто Ленина — очевидно, как

пособник, как совиновник, т.-е., хотя и враг большевиков, но недостаточно активный, соглашатель. Воровский и Войков — ответственные большевики. Но убийство их, как представителей СССР на территории европейских государств, есть удар не только по большевикам, и не только по СССР, (что не одно и то же), но и по Швейцарии, Польшѣ, по народам Европы, на которых оно возлагает политическія осложненія, вытекающія из подобных актов. Замѣчательно, что всѣ достиженія нашего террористическаго активизма имѣют бессмысленный или двусмысленный характер. Невольно вспоминается напечатанное нѣсколько лѣтъ тому назад в одной газетѣ описаніе террористическаго налета на Петербург. Перешедшіе финскую границу с опасностью для жизни активисты не придумали ничего лучшаго, как бросить бомбы в районный коммунистическій клуб. Уничтоженіе нѣскольких рядовых членов многомилліонной партіи, в том числѣ женщин и, может быть, случайных безпартійных, казалось им достаточным оправданіем убійства.

Націонализм русскій, раздавленный и униженный, легко принимает в настоящее время формы антиевропеизма. Им заражены многія из пореволюціонных теченій. Но внѣ политических кругов он распространен гораздо шире, как обывательская подоплека, как кожное, утробное міроощущеніе. Европу ненавидят и за то, что она спаслась, когда мы утонули, и за то, что она не спасла нас. Считают себя в правѣ и по сей час требовать от Европы жертв и кровью и деньгами для освобожденія Россіи и сердятся, не видя с ея стороны готовности к жертвам. В таком отношеніи есть изрядная доля моральной тупости и извращенія національнаго сознанія. Моральная тупость заключается в требованіи жертв от другого для спасенія себя. Извращеніе націонализма — в нежеланіи принять и нести національную отвѣтственность. Россія отвѣчает сама за себя. Большевизм — ея собственный грѣх, как и освобожденіе от большевизма — ея собственный подвиг. Каковы бы ни были ошибки союзников в 17-20 годах, не они погубили національную Россію. Они не могли, да и не имѣли права спасать ее против ея воли, спасать ее от нея самой. Думать иначе значит унижать Россію, лишать ее всякой личной судьбы. Не один

Горгулов не может понять этого. Горечь к Европѣ живет на днѣ многих ран.

Террористическій активизм является у нас принадлежностью правых политических группировок. Анти-европеизм открыто выражается в пореволюціонных, как раз не грѣшащих активизмом. Сочетаніе того и другого — личная собственность Горгулова, сдѣлавшая его, к счастью, таким неприкаянным чужаком в нашей средѣ. Но то, что разсѣчено политическими идеологиями, часто уживается в обывательском сознаніи. Горгуловскій комплекс в разрѣженном видѣ не так уже чужд нашей обывательской психологіи. Отсюда еще безконечно далеко до Горгуловскаго преступленія. Но это преступленіе освѣтило нам темные углы и закоулки русской души. Надо почиститься. Надо освободиться от власти бредовых идей. Надо слѣдить за своим душевным и духовным здоровьем, бороться с безуміем, подстерегающим людей, слишком долго и безнадежно страдавших.

Очищеніе активизма, очищеніе національного чувства — вот в чем мы больше всего нуждаемся. Наша установка — на просвѣтленную непримиримость и на жертвенный подвиг, подготовленный работой мысли при свѣтѣ совѣсти.

В плѣну стихіи

В редакцію «Новаго Града» прислана, с большим опозда-
ніем, отпечатанная на машинкѣ большая статья, подписанная
Н. Устр я л о в ы м и датированная: Харбин, Февраль 1932.
Мы не знаем, была ли и гдѣ именно напечатана эта статья,
хотя рукопись носит помѣтку, что она «появилась на Д/ Во-
стокѣ». Статья озаглавлена «Новый Град» и посвящена крити-
ческой оцѣнкѣ нашего журнала (на основаніи двух первых его
номеров). Нужно признаться, статья написана блестяще, как
почти все, что выходит из-под пера этого талантливого публи-
циста, и с такой «куртуазностью», какой мы вовсе не избало-
ваны со стороны наших критиков. Он очень остро нащупывает
— признаемся и в этом — самую слабую мѣста нашей позиціи,
в то же самое время обнажая и самого себя. Спор с ним, дѣй-
ствительно, помог бы и дальнѣйшему уясненію основ нашей
все еще не для всѣх ясной борьбы, и раскрытію первороднаго
грѣха многих «смѣновѣховских» в широком смыслѣ увлеченій.

Мы вынуждены, отвѣчая Н. Устрялову, много цитировать
и подробно излагать его статью, которая осталась неизвѣстной
эмиграціи в Европѣ. Надѣюсь, читатели не посѣтуют на это,
в виду дѣйствительно большого интереса его мыслей.

Н. Устрялов начинает с сочувственных выдержек из «Но-
ваго Града», — с его точки зрѣнія, за здравіе, чтобы кончить
за упокой. Для него «Новый Град» грѣшит половинчатостью.
Он путается в борьбѣ стараго міра с новым. «Новый Град, ко-
нечно, — дитя сумерек и, вѣроятно, скорѣе вечерних, нежели
утренних. Авторы мечутся, ища себя. Вѣрные вѣчности, они
теряются в потоках и хаосѣ временнаго. Корни их душ — в
ушедшем днѣ. Но их великое преимущество — честное осо-
знаніе: день дѣйствительно ушел. Они ищут новаго творческа-
го слова, способнаго двигать горы — и не находят: время шу-

мит не их языком, ведет к обителям вѣчности (!) не их дорогами». Таково послѣднее слово Н. Устрялова о нас. Оно вытекает из начального сдѣланнаго им выбора: не со старым міром, а с большевистской Россіей. Такая позиція принципиально не допускает «третьяго пути», поисков новаго града, отличнаго от двухъ противостоящихъ. Все третье, новое, искомое кажется половинчатымъ, «непослѣдовательнымъ». В этой непослѣдовательности Н. Устрялов и уличает нас.

Сначала он сочувственно цитирует нашу характеристику распада капиталистическаго міра. Он недоволен однако, что «камни, из которых он построен, оказываются цѣлы» и послѣ катастрофы. Этими старыми камнями, из которых мы воздвигаемъ новый град, Н. Устрялов признает «либеральную идею политической свободы», «соціалистическую идею общественно-хозяйственной справедливости» и «христіанскую идею абсолютной истины». В этом Н. Устрялов прав: мы хотим строить именно на этихъ камняхъ. Мы не боги и не способны на творчество из ничего. К тому же мы знаем, что, по крайней мѣрѣ, один из этихъ камней является краеугольнымъ для всякаго истиннаго града. Впрочем, из дальнѣйшаго видно, что сам Устрялов для своего построенія удерживает, по крайней мѣрѣ, два из старыхъ камней, отказавшись лишь от политической свободы.

С еще большимъ сочувствіемъ Н. Устрялов цитируетъ тѣ отдѣльныя сужденія новоградцевъ, которыя могутъ быть истолкованы, какъ признаніе извѣстныхъ достиженій и извѣстной силы большевиковъ. Это тѣ самыя признанія, за которыя «Новый Градъ» подвергся почти всеобщему обстрѣлу эмигрантской прессы. Здѣсь и констатированіе Степуномъ «производственно-техническихъ успѣховъ Совѣтской Россіи» и убѣжденіе Бунакова в «прочности совѣтской системы», в том, что «хозяйственное развитіе само по себѣ не ведетъ к ея паденію», в том, что она «опирается на миллионныя кадры... слѣпо вѣрящихъ в правду своего ученія людей». Наконецъ, Бердяев со своимъ «парадоксомъ свободы», с признаніемъ противорѣчивости свободы и допущеніемъ особаго пониманія свободы в Совѣтской Россіи.

В полномъ согласіи со всѣми нашими критиками, Н. Устряловъ считаетъ, что эти наши высказыванія «неприличны для догма-

тического эмигрантского сознания». Это «вольнодумные бреши в застывших редутах зарубежной крепости. Две бреши — изнутри». Здесь уже сочувствие Н. Устрялова становится ядовитым. Он не прочь выдать нас головой нашим обвинителям, офицерам осажденной крепости, и выставить нас в качестве безсознательных изменников антибольшевистского фронта. «Как быть людям, досель ополчавшимся на большевиков по основаниям социально-политическим? — Очевидно, им следует сложить оружие и прекратить борьбу... Как быть и тем, кто до сего времени черпал свой антибольшевизм из народолюбческого источника?.. Каково, наконец, положение тех, кто ненавидел большевиков за их недопустимое отношение к личности и свободам?»... «Конкретно политические утверждения сборника заряжены подрывной силой и чрезвычайно рискованы для традиционной атмосферы эмигрантского сознания». — «Они (т.-е. мы) стремились укрепить антисоветскую борьбу незыблемым фундаментом небесных ценностей, — на деле они подрывают земные аргументы борьбы... Они обильно питают в своей среде настроение пессимизма и катастрофизма... Они ставили своей задачей дать новую действительную программу эмигрантскому народу, оживить «безжизненные и худосочные» эмигрантские политические организации, — и на деле они им. наносят еще один тяжкий удар, дезориентируя их сознание и парализуя их волю». Таков отрадный для Н. Устрялова и тяжкий для нас вывод из нашей позиции к Советской России. Мы не сомневаемся, что под этой оценкой подпишутся обеими руками большинство эмигрантских политиков. Мы понимаем, что совершаем донкихотскую неосторожность, давая им в руки такое оружие против себя. Без нас, кто прочитал бы здесь статью Н. Устрялова? Но мы принимаем вызов, и стараемся показать, почему мы считаем нашу установку антибольшевистской и при том единственно правильной.

Во всякой борьбе угнетительно представлять своего врага как можно более гнусным и как можно более слабым. Для малодушных часто это единственная возможность стоять в рядах. Такая установка, несомненно, психологически облегчает борьбу. Вот почему она поддерживается всегда во вре-